

На бледном, мертвенном лице наследной принцессы глаза оставались живыми — даже чуть самодовольными. Она смотрела на Лу Цзиньаня и, торопясь, прошелестела слабым голосом:

— Видишь? Ребёнок... похож на тебя...

Только что родившийся младенец — разве можно разглядеть в нём сходство? Просто ей казалось, что лицо мужа недостаточно радостное, вот она и искала повод поговорить, чтобышний раз напомнить о своей великой заслуге. Она смотрела на него с таким ожиданием, будто он был должен ей похвалу и поглаживание по голове.

Взгляд наследного принца был почти скорбным, он никак не мог изобразить радость от появления ребёнка. Он осторожно наклонился, обнял жену и хрипло произнёс:

— Я хочу смотреть только на тебя.

— Смотреть на тебя до старости.

*

В шатре колебались свечи. Третий принц, Четвёртый принц, Шестой принц и Седьмой принц, а также военачальники и советники — все стояли на коленях у ложа императора. Император снова впал в полубессознательное состояние, пытался собрать рассеянные мысли, но не мог. Наконец с трудом открыл глаза, забыв, что сам позвал сыновей, и не помня, что собирался делать. Все терпеливо ждали, пока император снова не забылся сном.

Несколько раз приходили придворные лекари. Сопровождавшие императора чиновники взглядом спрашивали лекарей, в безопасности ли государь, но по их испуганным лицам понимали: дела плохи. Позванные принцы стояли на коленях в шатре до полуночи. Шестой принц беззвучно плакал. Человек, лежащий на ложе, был тем, кого Шестой принц ждал с пяти до пятнадцати лет. Боль от того, что его матушка-наложница лишилась благосклонности, когда-то заставила Шестого принца дать себе клятву, что и он в ответ будет холоден к отцу, чтобы было справедливо, и станет соблюдать только внешнюю почтительность. Но почему же сейчас, как иглы, в сердце Шестого принца вонзилась память о той короткой, как цветение эфемерного цветка, отцовской любви? Он вдруг подумал: пусть бы отец был пристрастен, лишь бы жил вечно.

Четвёртый принц всё время заботился о братьях: то и дело тихо вставал, отжимал полотенце, вытирал слёзы Третьему брату, уговаривал его беречь себя и сохранять спокойствие. Седьмой принц пребывал в растерянности и тревоге. Эта незнакомая тревога стала сковывать его и без того дефектную способность к общению. Когда братья заговаривали с ним, он опускал голову, будто не слышал, лишь время от времени тревожно грыз ноготь на большом пальце. Шестой принц обнимал младшего брата, пытаясь облегчить его тревогу, но чувствовал, что Седьмой полностью закрыл свою душу в теле, словно вернулся в детство. Такого не случалось уже давно.

В тот период, когда Седьмой принц только научился ходить и до того, как начал говорить, он часто пребывал в таком состоянии. Его душа, казалось, была отделена от окружающих невидимой стеной; иногда он проявлял любопытство к этому миру, наблюдал за ним глазами, но не сливался с ним. Эта отстранённость и отчуждение сильно злили Третьего принца, который считал, что младший брат непочтителен к старшим, и часто намеренно запугивал маленького Седьмого принца. Тогда Седьмой принц ещё не нашёл входа в этот мир и не умел показывать слабость или просить о помощи. После обид он лишь ещё больше отдалялся от мира.

Каждый раз, когда Первый принц замечал, что Третий обижает младшего, он делал ему выговор и останавливал, но после этого так и не мог добиться от этого пухлого малыша никакой реакции. Решив, что младший брат просто нелюдим по природе, Первый принц не придавал этому значения. Но однажды в полдень, когда пятнадцатилетний Первый принц, получив нагоняй от отца, сидел в беседке в заднем саду и уныло смотрел на пруд, он вдруг почувствовал, как что-то лезет ему в левую ладонь. Щекотно. Он опустил взгляд и увидел, что двухлетний карапуз с хитринкой суёт ему под ладонь какую-то штуку. Первый принц медленно сжал руку, поймал то, что малыш тайком подсунил, поднял ладонь и обнаружил надкусанную засахаренную сливу... Он недоумённо посмотрел на пухлого братца. Тот, задрав пухлое личико, посмотрел на Первого принца, зачерпнул воздух ладошкой, отправил в рот и зачмокал, показывая, что Первый принц должен вот так наслаждаться подаренной половинкой. Первый принц смешался: и смешно, и горько. Он взглянул на половинку сливы у себя на ладони — брезгливо. Мол, брат сердечно благодарен, сойдёт? Но младший братец снова и снова показывал, как надо есть, явно требуя, чтобы и рот брата почтил угощение. Первый принц, смирившись, засунул сливу в рот. Седьмой принц остался недоволен, продолжал чмокать, показывая секрет наслаждения. Первый принц, с достоинством терпя унижение, послушно повторил глупое движение брата пару раз. И в этот самый миг Седьмой принц приоткрыл рот, и его всегда холодные красивые глаза вдруг изогнулись двумя лунными серпами. Он улыбнулся брату.

Сердце Первого принца, наверное, именно тогда и растаяло от этого пухлого братца. С тех пор он старался проводить с ним время. И постепенно замечал, что искренняя забота и ласка делают младшего брата чуть более живым, шаловливым, как обычный ребёнок, и он иногда готов общаться. Год спустя у брата появился маленький компаньон по имени Лу Цзыяо, и он стал ещё охотнее идти на контакт.

Шестой принц уже смутно помнил времена, когда у Седьмого был странный характер, но сейчас, видя, как Седьмой снова становится отрешённым, он вдруг вспомнил то давнее чувство.

— Седьмой, не бойся. Отец скоро поправится, — тихо утешил Шестой принц.

Полчаса спустя император снова очнулся. На этот раз к нему вернулась часть сил, и он спросил:

— Цзиньань вернулся в лагерь?

Третий принц ответил:

— Отец, не извольте беспокоиться. Завтра послы киданей придут для переговоров. Если старший брат не в руках киданей, мы сразу же потребуем разрешения переправиться через реку и обыскать берега.

Император закрыл глаза. В душе у него было невыразимо тяжело. Он знал характер старшего сына: узнав об опасности, наследный принц непременно бросился бы на выручку, а теперь его след простыл — вероятно, прошлой ночью с ним уже случилась беда. У императора не осталось сил даже на скорбь. Он вспомнил слова той иноземной тётушки По, сказанные перед отъездом из дворца:

— Эта война непременно будет выиграна, только Вашему Величеству и наследному принцу не следует участвовать в битве...

Это пророчество, которое император тогда презрел, теперь громом раскатывалось в ушах.

Тётушка По за последние десять лет не предсказала верно ни единого события, поэтому император не принял её мрачные слова близко к сердцу. Тогда, уходя, он лишь в шутку обронил:

— Искусство владения мечом наследного принца известно всей Поднебесной. Если даже он падёт от рук киданьских разбойников, то какой ещё сын сможет взвалить на себя эти бескрайние земли и сотни миллионов подданных?

В тот миг тётушка По не поняла, что император просто шутит. Она решила, что он и вправду спрашивает её совета. Преданная своей госпоже си-фэй, тётушка По не разбиралась в порядке наследования престола у ханьцев. Она думала лишь о том, что, если удастся добыть для сына своей госпожи великую империю Ци, то в будущем им не придётся искать чужой милости. Почти не раздумывая, она склонила голову и ответила:

— Кроме наследного принца, если эту великую ношу возьмёт на себя седьмой принц, князь Нин, он непременно оправдает доверие государства!

Император опешил от такого ответа. Поняв, что эта иноземная ведьма — бывшая служанка си-фэй, он сразу догадался: она хочет выслужиться перед прежней госпожой. Слова её могли быть истолкованы по-разному — и на малую, и на большую вину. Он ведь просто пошутил, а старуха посмела такое сказать, значит, в мыслях допустила, что он и наследный принц погибнут. Император, хоть и раздосадованный, решил не связываться с безграмотной старухой, ведь зачинщиком был он сам. Он не стал её наказывать, но строго пригрозил, чтобы впредь она не смела обсуждать государственные дела.

А сейчас, умирающий император без конца вспоминал слова тётушки По. Он медленно повернул голову к четырём сыновьям, стоявшим на коленях, и перевёл взгляд на сопровождавшего его евнуха:

— Помогите мне сесть.

— Отец! — тут же с рыданием в голосе воскликнул Третий принц. — Ваши раны ещё не зажили! Лежите, приказывайте нам!

— Мне предстоит решить великое дело, лежать неподобающе, — с достоинством произнёс император.

Евнуху пришлось осторожно помочь императору сесть, прислонив его к мягкой подушке. Император закрыл глаза и подозвал сопровождавшего его военного министра:

— Приготовь бумагу и кисть.

Министр понял, что император собирается писать указ о престолонаследии. Сдерживая скорбь, он вышел из шатра и принёс письменные принадлежности. Император, всё так же не открывая глаз, спокойно начал:

— Я, ничтожный, унаследовал великое дело предков и правил двадцать семь лет...

— Отец! — прервали его принцы, вскрикнув от испуга.

Император медленно покачал головой, призывая их замолчать, и продолжил подводить итог своих свершений и ошибок.

<http://bllate.org/book/18379/1767129>